

Г. Г. КРИВОШЕИНА

«ОБЩЕСТВО ГУБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ» ИЛИ «МОСКОВСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК»? (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ОЛЕАЭ)

Настоящая статья – дань памяти Императорскому обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете – обществу уникальному, прославившемуся в дореволюционной России своей научной и научно-просветительской деятельностью и послужившему моделью для естественно-научных обществ, которые с конца 1860-х гг. создавались при всех российских университетах. Однако в наше время оно почти забыто, а его былые заслуги пытаются приписать себе совсем другие научные организации. История ОЛЕАЭ – наглядный пример того, как с помощью необдуманных реформ и слияний можно не только уничтожить эффективные научные структуры, но даже стереть саму память о них.

Ключевые слова: Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), Московское общество испытателей природы (МОИП), А. П. Богданов, университетские естественно-научные общества.

27 октября (15 октября по старому стилю)¹ 2013 г. исполнилось 150 лет со дня основания Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете. И хотя первое официальное заседание общества состоялось 14 мая 1864 г., оно отсчитывало свою историю с 15 октября 1863 г., когда члены-основатели общества впервые собрались вместе, чтобы обсудить его устав и основные задачи. Инициатором создания Общества любителей естествознания (так ОЛЕАЭ называлось до 1867 г.) был профессор зоологии Московского университета Анатолий Петрович Богданов. Ему было 29 лет, он возглавлял кафедру зоологии и университетский Зоологический музей и успел приобрести в университете не только единомышленников и влиятельных покровителей, но и непримиримых врагов². Как писал Богданов в одной из автобиографий,

[во] многих из своих товарищей он (Богданов. – Г. К.) находил к себе злобу, доходившую до мании. Бранить и делать демонстрацию против Болга-

¹ Далее все даты приводятся по старому стилю.

² Причины этого проанализированы в: *Райков Б. Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 203–467; см. также: *Кривошеина Г. Г.* Либералы и консерваторы в Московском университете (к истории естествознания в России второй половины XIX в.) // История социокультурных проблем науки и техники. Сб. трудов. М., 2004. Вып. 2. С. 139–162; *Кривошеина Г. Г.* Анатолий Петрович Богданов и основание Политехнического музея // ВИАТ. 2012. № 4. С. 155–179.

нова считалось тогда у многих выражением отстаивания чистой науки от врывания непризнанных деятелей³.

Неудивительно, что его инициативу они встретили критикой и насмешками⁴: новое общество тут же окрестили «Обществом губителей естествознания», а самого Богданова обвинили в том, что, не сделав ничего в науке, он таким образом тешит свое тщеславие и пытается привлечь внимание к своей персоне. Но наиболее жесткое и организованное противодействие исходило со стороны руководства Московского общества испытателей природы (МОИП) – старейшего и самого авторитетного в России естественно-научного общества, основанного при Московском университете в 1805 г. Оно объявило идею Богданова бессмысленным бунтом молодежи, губительным для московской науки. Это было тем более серьезно, что членами МОИП состояли все известные московские ученые-естественники.

Интересно, что в том же 1863 г. в Москве шла активная работа по организации еще одного естественно-научного общества – на базе Комитета акклиматизации животных и растений Московского общества сельского хозяйства создавалось самостоятельное Русское общество акклиматизации животных и растений (его устав был высочайше одобрен 3 января 1864 г., на несколько месяцев раньше, чем устав ОЛЕАЭ), но это не вызвало никакой негативной реакции со стороны МОИП. Чем же одна только мысль об учреждении ОЛЕАЭ так раздражала часть московского научного сообщества? Вряд ли это можно объяснить происками врагов Богданова. Причины лежали гораздо глубже – в кардинальных изменениях, которые происходили в естествознании второй половины XIX в. в целом и в российской науке в частности, и создание ОЛЕАЭ по существу было ответом на эти изменения. Но обратимся к фактам и в первую очередь попытаемся проследить, как развивались события, предшествовавшие появлению нового общества.

В мае 1862 г. в Москве был открыт первый публичный музей – Московский публичный музей и Румянцевский музей⁵, больше известный как просто Румянцевский музей. Как явствует из самого названия, в действительности это были два независимых музея: в одном было представлено собрание книг, рукописей, монет и пр. графа Н. П. Румянцева⁶, во втором – произведения искусства, переданные в дар Московскому публичному

³ Автобиографии А. П. Богданова, написанные им в разное время // Архив РАН (АРАН). Ф. 446. Оп. 1а. Д. 86. Л. 20.

⁴ С этим Богданов за свою жизнь сталкивался неоднократно. Все его проекты, начиная с организации научных выставок и создания публичных музеев и до проведения в Москве международных научных конгрессов, становились объектом язвительных насмешек и критических выступлений в прессе, зачастую вызванными не интересами развития науки и просвещения, а причинами идеологического или личностного характера.

⁵ Об истории создания этого музея см.: Пятидесятилетие Румянцевского музея в Москве: 1862–1912: исторический очерк. М., 1913; *Кривошеина Г. Г.* Научные музеи Москвы: два века истории // Москва научная / Отв. ред. В. М. Орел. М., 1997. С. 59–90.

⁶ Граф Н. П. Румянцев (1754–1826) завещал свое собрание вместе с дворцом на Английской набережной в Санкт-Петербурге государству для создания музея. Музей, открытый в мае 1831 г., находился в ведении Министерства народного просвещения. Решение о переводе музея в Москву было высочайше утверждено 23 мая 1861 г.

музеем, частные коллекции на правах временного пользования и коллекции Кабинета натуральной истории Московского университета ⁷. К сожалению, в новом музее не было создано подходящих условий для хранения зоологических коллекций, и Богданов, исполнявший должность хранителя этих коллекций, приложил большие усилия, чтобы вернуть их обратно в университет ⁸. Ему удалось это сделать только к концу 1862 г. ⁹, а в начале следующего года он был официально назначен директором Зоологического музея университета.

Коллекции, поступившие под начало Богданова, не только были повреждены из-за неправильного хранения, но и никоим образом не отвечали научным и образовательным задачам, стоявшим перед университетским музеем: в них была плохо представлена местная фауна, не говоря уж о фауне территории России в целом, а коллекционные экземпляры хранились в основном в высушенном виде, что в случае, например, водных организмов не позволяло проводить полноценные морфологические и анатомические исследования. По существу они больше соответствовали кабинету натуральной истории XVIII в., чем полноценному университетскому зоологическому музею второй половины XIX в. И Богданов, в отличие от многих других зоологов, в частности, своего вечного противника и оппонента С. А. Усова ¹⁰, отлично понимал это. Он отмечал, что

с конца пятидесятих годов (XIX в. – Г. К.) начался новый период во всем направлении зоологии, выражающийся не только в изменении теоретических воззрений на науку, но и в появлении новых практических нужд в устройстве лабораторий и музеев. Не в России только, но везде и за границу, преобладавшее до того лекционное теоретическое направление в университетском преподавании стало сменяться практическим ¹¹.

Это означало, что преподавание зоологии должно переместиться из университетской аудитории в музей, и этот музей в материальном и техническом отношении должен соответствовать тем кардинальным изменениям, которые

⁷ В 1867 г. к ним присоединился Дашковский этнографический музей, созданный на основе экспонатов Этнографической выставки, которая в том же году была организована ОЛЕАЭ в Москве.

⁸ *Иксанова И. В., Кузнецов А. А., Михайлов К. Г. и др.* Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ / Ред. О. Л. Россолимо. М., 1991; *Любарский Г. Ю.* История Зоологического музея МГУ: идеи, люди, структуры. М., 2009.

⁹ Минералогические коллекции Кабинета натуральной истории были возвращены в университет только в 1900 г. Условия хранения на них никак не повлияли, но часть ценных экспонатов исчезла – по-видимому, они были украдены посетителями из экспозиции (Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 31. Д. 872. Л. 1–54).

¹⁰ Усов Сергей Алексеевич (1827–1886) – зоолог, профессор Московского университета (1868) – как и Богданов был учеником К. Ф. Рулье и одним из основателей Комитета акклиматизации животных и растений, в 1863–1873 гг. он руководил Московским зоологическим садом. Писал научно-популярные статьи для издававшегося МОИП «Вестника естественных наук», в 1873 вместе с Л. П. Сабаневым организовал и редактировал журнал «Природа».

¹¹ Материалы по Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии: 1864–1895 // АРАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 59. Л. 15.

произошли в середине XIX в. в теории и практике зоологических исследований и в технологии хранения коллекционных материалов. В частности, как утверждал Богданов:

Для систематики животных с появлением умения и знания, как обращаться с низшими морскими формами, сухие музейные экземпляры оказались уже недостаточными, ибо и для зоолога стало необходимо даже с классификационной точки зрения изучение строения животных. Сравнительная анатомия, стоявшая до того особняком от зоологии, стала сливаться с нею во многих своих частях, и кроме чучельной потребовались при музеях и анатомические лаборатории, спиртовые коллекции, собрания микроскопических препаратов. Все, начиная от новых усовершенствованных микроскопов до вновь, можно сказать, открытых для музеев низших организмов, нужно было приобретать, собирать и описывать¹².

Задача непростая, и хотя, по словам Д. Н. Анучина¹³, «если Богданов за что взялся, то он достигнет своего и сделает то, что для всякого другого было бы немислимым»¹⁴, одному человеку даже с помощью преданных учеников вряд ли удалось бы с ней справиться «ранее, чем по прошествии Мафусаиловых веков»¹⁵. Поэтому у него и возникла идея прибегнуть к помощи одного из российских научных обществ. В Москве выбор был невелик: Московское общество испытателей природы (МОИП) и Комитет акклиматизации животных и растений Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). На последний Богданов рассчитывал больше всего, так как с неперменным секретарем МОСХ С. А. Масловым, несмотря на разницу в возрасте, его связывали тесные дружеские отношения, и тот очень высоко ценил Богданова и поддерживал все его начинания. К тому же Богданов был одним из основателей и секретарем Комитета акклиматизации, главным организатором акклиматизационных выставок 1858 и 1863 гг., позволивших комитету собрать средства на создание в Москве зоологического сада. Однако после смерти К. Ф. Рулье Богданову становилось все труднее находить общий язык с некоторыми членами комитета, которые обвиняли его в излишней самостоятельности и в том, что он не считается с мнением других¹⁶. После второй выставки эти «различные неприятные отношения, дурно действовавшие на здоровье Богданова»¹⁷ заставили его отойти от деятельности комитета¹⁸

¹² Там же.

¹³ Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923) – антрополог, этнограф, археолог, географ, профессор Московского университета (1884), академик Санкт-Петербургской АН (1896), в 1890–1923 гг. – президент ОЛЕАЭ.

¹⁴ Анучин Д. Н. О людях русской науки и культуры. М., 1950. С. 249.

¹⁵ Материалы по Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии... Л. 15.

¹⁶ Райков. Анатолий Петрович Богданов... С. 253–254.

¹⁷ Автобиографии А. П. Богданова... Л. 19.

¹⁸ Окончательный разрыв с Комитетом (тогда уже – Обществом) акклиматизации произошел в январе 1864 г., когда Богданова не избрали директором Зоологического сада, предпочтя ему Усова.

и задуматься об организации собственного общества. Говоря о создании ОЛЕАЭ, он отмечал:

Мотивами основания (нового общества. – Г. К.) прежде всего была крайняя бедность учебных пособий по многим отделам музея, крайне малые средства, имеющиеся у музея, и неисполнившиеся надежды на возможность достигнуть желаемого с помощью одного Общества акклиматизации¹⁹, на котором до того сосредоточены были все надежды нашего кружка²⁰.

Что касается МОИП, то сейчас уже вряд ли удастся выяснить, насколько серьезными были намерения Богданова, когда летом 1863 г. он обратился к секретарю МОИП И. Б. Ауэрбаху²¹ с предложением включить Общество любителей естествознания в МОИП на правах постоянного комитета. С одной стороны, это было разумным компромиссом, так как Богданов опасался, что университетское руководство не захочет создавать еще одно естественно-научное общество при университете, а вне университета новое общество «могло усвоить себе весьма скоро цели вовсе не университетские, а последние, – по словам Богданова, – лежали всего ближе у нас на душе»²².

С другой стороны, задуманное им общество основывалось на новых принципах, неприемлемых для ревнителей духа строгого академизма, которым так гордилось МОИП: членами Общества любителей естествознания могли стать не только ученые, состоятельные любители и высокопоставленные покровители наук, но «все, изъявившие желание содействовать целям общества и участвовать в его трудах»²³, а среди его главных целей было указано «распространение естествознания в массе публики»²⁴ – любой публики, не только просвещенной, так как общество собиралось издавать все свои научные труды только по-русски, – а это уже воспринималось как покушение на элитарность науки, попытка ее разрушения. Еще одним важным нововведением было то, что общество декларировало себя как региональное – оно создавалось «для изучения губерний Московского учебного округа в естественно-историческом отношении»²⁵, хотя его деятельность довольно быстро вышла за эти пределы, охватив значительную часть территории России от Туркестана, Кавказа и Крыма до Европейского Севера и Сибири²⁶, но об этом будет сказано

¹⁹ Здесь Богданов допустил неточность; тогда это был еще Комитет, а не Общество акклиматизации.

²⁰ Материалы по Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии... Л. 15.

²¹ Ауэрбах Иван Богданович (1815–1867) – геолог и минералог, первый заведующий кафедрой минералогии и геогнозии Петровской земледельческой и лесной академии. Известен своими скандальными выступлениями против геологических и палеонтологических работ Рудье.

²² Материалы по Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии... Л. 17.

²³ Устав Общества любителей естествознания, состоящего при Императорском Московском университете // Известия Общества любителей естествознания. 1866. Т. 3. Вып. 1. С. 1.

²⁴ Там же.

²⁵ Устав Общества любителей естествознания... С. 1.

²⁶ Богданов А. П. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888). Т. 1. Фаунистические работы общества // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1888. Т. 54. Стб. 1–494.

чуть ниже. Богданов был прекрасным дипломатом, хорошо разбиравшимся в людях, поэтому, несмотря на его утверждение, что «ничего не могло даже на минуту изменить доброго расположения»²⁷ к нему Ауэрбаха, трудно поверить, что, зная последнего, он мог ожидать от него положительного ответа на свое предложение. К тому же стоит напомнить, что Богданов был обижен на МОИП и неоднократно вспоминал старую историю о том, как члены общества не оценили его студенческую работу о дроблении яйца циклопов²⁸.

Реакция Ауэрбаха была легко предсказуема. Он, как писал впоследствии Богданов,

отнесся весьма холодно к проекту как избыточной затее и, по-видимому, опасался внесения в Общество испытателей природы любителями естествознания духа и стремлений, могших дисгармонировать с строго специальным характером старейшего естественно-исторического общества²⁹.

Сам Богданов, похоже, не был обескуражен этим отказом. Для него в данном случае важнее было наглядно продемонстрировать университетским властям свою готовность к компромиссу и то, что сосуществование ОЛЕАЭ и МОИП в рамках одного общества невозможно и что руководство МОИП на это никогда не пойдет.

История с обращением Богданова к Ауэрбаху, по-видимому, стала причиной того, что сегодня на официальном сайте МОИП³⁰ в разделе «История» можно найти утверждение, что «Общество любителей естествознания выделилось из Московского общества испытателей природы». Но оставим это утверждение на совести (или неинформированности) составителей раздела. Конечно, и сам Богданов, и многие члены-основатели ОЛЕАЭ состояли в МОИП (как и большинство московских ученых-естественников), но организационно новое общество связывало с последним лишь то, что ОЛЕАЭ было позволено проводить свои предварительные заседания в его помещении. В протоколе заседания МОИП от 14 ноября 1863 г. читаем:

Г. Д. Ч.³¹ Богданов заявил обществу о вновь учреждаемом при университете Обществе любителей естествознания, имеющем целью развитие и распространение в молодом поколении любви к естественным наукам и охоты к собиранию естественных предметов, чтобы ими пополнять музеи Московского университета; в связи с этим он обратился к обществу с просьбой дозволить членам вновь образуемого Общества любителей естественных наук иметь свои заседания в помещении нашего общества.

Определили: Исполнить желание Анатолия Петровича³².

²⁷ Там же.

²⁸ Кривошеина Г. Г. Роль А. П. Богданова в развитии зоологии в России // История социокультурных проблем науки и техники. Сб. трудов. М., 2004. Вып. 3. С. 35–48.

²⁹ Материалы по Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии... Л. 17.

³⁰ См.: <http://www.moip.msu.ru>.

³¹ Господин действительный член.

³² Архив МОИП. 1863. № 389. Л. 23 об.

Отметим здесь одну показательную деталь – упоминание «молодого поколения», о котором в проекте устава Общества любителей естествознания и речи не было. Это или неосознанная описка, или колкий намек на молодость организаторов нового общества и на то, что всерьез их может воспринять лишь такая же молодежь. В самом МОИП на ранних этапах его истории существовал «институт питомцев» для студентов и молодых исследователей, интересующихся естественными науками, но полноправными членами общества они не были – они даже не имели права сами докладывать результаты своих исследований на заседаниях общества (за них это делали их руководители). И такая ситуация сохранялась в МОИП до начала XX в.³³

В целом протоколы заседаний МОИП сухи, демонстративно нейтральны и тщательно отредактированы. Интересно, что ОЛЕАЭ в них практически не упоминается (равным образом в протоколах заседаний ОЛЕАЭ, более живых и пространных, МОИП также фигурирует очень редко), но одна запись от 17 октября 1863 г. привлекает внимание (приводим ее полностью):

Он же (первый секретарь МОИП К. И. Ренар³⁴. – Г. К.) обратил внимание общества на то, что оно уже давно не предпринимало никаких более значительных работ по естественно-историческому исследованию Московской и смежных с ней губерний, что, однако, по уставу, лежит на прямой его обязанности, испрашивал, не следует ли нам возвратиться к этого рода деятельности, тем более, что Киевский учебный округ уже несколько лет успешно трудится на подобном поприще и, в новейшее время, Русское энтомологическое общество в Петербурге также на нем выступает.

Определено: Вполне сознавая важность и современность предложения г. первого секретаря, назначить на 31 число сего месяца чрезвычайное собрание общества собственно для обсуждения этого предмета и для избрания комиссии, имеющей составить подробный план для осуществления этих предположений³⁵.

Обсуждение текущих дел общества, но почему такая спешка? Зачем устраивать чрезвычайное собрание? Все станет понятнее, если мы посмотрим на дату заседания и вспомним, что двумя днями раньше, 15 октября 1863 г., состоялось первое организационное собрание Общества любителей естествознания, в уставе которого (пока еще не утвержденном) в качестве главной цели значилось «изучение губерний Московского учебного округа в естественно-историческом отношении»³⁶. И хотя последнее в выступлении Ренара даже не упоминалось, надо полагать, что именно оно вызвало такой переполох. Никаких других очевидных причин спешить не было – в Киевском учебном округе исследования региональной фауны были начаты К. Ф. Кес-

³³ Варсанюфьева В. А. Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М., 1955. С. 54.

³⁴ Ренар Карл Иванович (1809–1886) – врач, естествоиспытатель, племянник Г. И. Фишера фон Вальдгейма; секретарь (1840–1872), вице-президент (1872–1884), президент (1884–1886) МОИП; с 1846 г. – хранитель, а после смерти Рулье – директор Зоологического музея Московского университета (1858–1862).

³⁵ Архив МОИП. 1863. № 389. Л. 23 об.

³⁶ Устав Общества любителей естествознания... С. 1.

слером еще в 1840-х гг., и в 1850–1856 гг. он издал шесть выпусков «Естественной истории Киевского учебного округа», а в уставе основанного в 1859 г. в Петербурге Русского энтомологического общества изучение региональных фаун не было специально обозначено³⁷.

Все это говорит о том, что, несмотря на обвинения в некомпетентности в адрес Общества любителей естествознания и насмешки над ним, МОИП серьезно опасалось конкуренции со стороны молодого и более активного общества, а потому и попыталось спешно возродить предложенную еще Г. И. Фишером фон Вальдгеймом³⁸ программу «по естественно-историческому исследованию Московской и смежных с ней губерний» (вопреки утверждению Ренара, в уставе МОИП такого пункта не было, там значилось:

Главный предмет общества сделать известною естественную историю обширной Российской империи. Особенно стараться оно будет, по возможности, делать открытие в таких произведениях, которые могут составить отрасль торговли для нашего отечества³⁹)

– «молодежь» надо было опередить и доказать ей, что ничего необычного она придумать не может, а потому и вся затея с новым обществом бессмысленна. Опасения руководства МОИП были небеспочвенны, так как начиная примерно с середины 1830-х гг. общество постепенно утрачивало свой исследовательский дух, все больше превращаясь в закрытый элитарный клуб, и даже его основатель и директор, а позже вице-президент⁴⁰ Г. И. Фишер фон Вальдгейм не мог этому противостоять – большинство его инициатив общество просто отвергало. После его смерти, когда научным руководителем общества стал его сын, ботаник А. Г. Фишер фон Вальдгейм⁴¹, эта тенденция окончательно возобладавала. Как писал Д. Н. Анучин:

Общество собиралось обычно раз в месяц (кроме летнего времени) в тесном кругу своих сочленов для выслушивания 1–2 сообщений по разным отделам естествознания – зоологии, ботанике, геологии, астрономии, химии и т. д., причем иногда сообщения носили такой специальный характер, что их могли понимать лишь 1–3 лица из присутствовавших, а остальные занимались в это время просмотром журналов, питьем чая и взаимной беседой⁴².

³⁷ См., напр., *Медведев Г. С.* 140 лет Русскому энтомологическому обществу // Труды Русского энтомологического общества. 2000. Т. 71. С. 6–22.

³⁸ Фишер фон Вальдгейм Григорий Иванович (Иоганн Готхельф Фридрих) (1771–1853) – естествоиспытатель, «русский Кювье», почетный член Санкт-Петербургской академии наук (1819), основатель и первый директор МОИП.

³⁹ Цит. по: *Варсанофьева.* Московское общество испытателей природы... С. 11; см. также *Кривошеина Г. Г.* Московские естественно-научные общества и изучение природы России // История наук о Земле. Сб. статей. М., 2009. Вып. 3. С. 266–272.

⁴⁰ До 1872 г. должность президента МОИП, согласно уставу общества, занимал попечитель Московского учебного округа.

⁴¹ Фишер фон Вальдгейм Александр Григорьевич (1803–1884) – ботаник, микроскопист, профессор ботаники и директор ботанического сада Московского университета (1834–1865); секретарь (1825–1834), вице-президент (1853–1872), президент (1872–1884) МОИП.

⁴² *Анучин Д. Н.* О людях русской науки. М., 1950. С. 253.

Некоторые историки МОИП, особенно современные, обходят молчанием это обстоятельство и даже, искажая факты, пытаются приукрасить деятельность общества в этот период⁴³. Только В. А. Варсанофьева признает, что

во второй половине XIX века МОИП уже не организует больших экспедиций на свои средства. С одной стороны, экспедиция С. Г. Карелина⁴⁴ сильно подорвала финансовое положение общества, с другой стороны, к этому времени возникает несколько новых добровольных научных обществ, материально более обеспеченных, как Русское географическое общество (учрежденное в 1845 г.) и Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (1863)⁴⁵.

В приведенной выше выдержке из протокола от 17 октября Ренар выражал обеспокоенность состоянием естественно-исторического изучения Московской и смежных с ней губерний, но никак не комментировал еще одну важную задачу, которую ставило перед собой Общество любителей естествознания – «распространение естествознания в массе публики». После смерти Рудье проблемы популяризации науки в России похоже никого в руководстве МОИП не интересовали. Более того, их считали вредными для настоящей науки – отсюда и обвинения ОЛЕАЭ в попытке разрушить московскую науку. Богданов впоследствии вспоминал:

Основание Общества любителей естествознания было делом нелегким, так как, не говоря уже о недоверии, встреченном к новому кружку в специалистах, даже в официальных сферах относились к нему неблагоприятно и предлагали не утверждать общества, указывая на то, что появление нового общества не соответствует наличным ученым силам и внесет только рознь и недоразумения в московские ученые общества⁴⁶.

Рознь, как мы видим, была, но была и серьезная поддержка со стороны ряда университетских профессоров и уважаемых членов МОИП, в частности, давнего члена МОИП и заслуженного профессора Московского университета геолога Г. И. Щуровского, просветительские проекты которого встречали весьма прохладный прием в МОИП. Идею организации Общества любителей естествознания поддержали также декан физико-математического факультета математик А. Ю. Давидов, ректор университета юрист С. И. Баршев. Даже

⁴³ Мирзоян Э. Н. Московское общество испытателей природы: 200 лет служения России (1805–2005 гг.) // Доклады МОИП. 2005. Т. 37. С. 1–160; см. также блог вице-президента МОИП А. П. Садчикова на Трибуне Общественной палаты (<http://top.oprf.ru/blogs/325>).

⁴⁴ Экспедиция Г. С. Карелина в Сибирь (1839–1841) была одной из крупнейших экспедиций, организованных МОИП. Она охватила значительную часть Алтая, Джунгарии, Заиртышья и Семиречья. В результате ее были собраны богатейшие зоологические и ботанические коллекции, коллекции минералов, даны прекрасные географические описания.

⁴⁵ Варсанофьева. Московское общество испытателей природы... С. 50. Напомним, что МОИП получал ежегодную государственную дотацию в размере около 2,5 тыс. руб. (различные источники называют разную сумму, и дело не только в том, что одни исчисляли ее в серебре, а другие – в ассигнациях); ОЛЕАЭ в первые годы своего существования не имело таких дотаций.

⁴⁶ Автобиографии А. П. Богданова... Л. 20.

попечитель Московского учебного округа Д. С. Левшин⁴⁷ изменил свое первоначально негативное к ней отношение (правда, произошло это, когда существование нового общества было уже высочайше одобрено). Это было тем более важно, что в соответствии с уставом МОИП он по должности являлся президентом последнего.

Программа и устав Общества любителей естествознания были представлены на заседании физико-математического факультета Московского университета 15 ноября 1863 г. В постановлении факультета, подписанном деканом А. Ю. Давидовым и секретарем факультета Ф. А. Бредихиным⁴⁸, говорилось:

В заседании факультета 15 ноября 1863 г. слушали прошение засл. проф. Щуровского, орд. проф. Давидова, э. о. проф. Богданова и ад. Толстопятова⁴⁹, в котором они изъясняют, что для систематического пополнения коллекций музеев университета преимущественно предметами местной флоры и фауны и для большего развития практических занятий учащихся они считают полезным учредить при университете Общество любителей естествознания по представленному при прошении проекту. Деятельность общества в зимние месяцы должна будет состоять в сообщении рефератов по важнейшим открытиям в науке, а летом – в экскурсиях и систематическом изучении естественных предметов губерний Московского учебного округа.

Учредители, убежденные опытом последних лет в пользу для учащихся, приносимой направлением их деятельности к изложенным выше занятиям, и уверенные, что слияние частных кружков специалистов в одно организованное общество будет иметь в высшей степени полезные результаты, просят факультет о представлении проекта устава нового общества в совет университета и о нравственном содействии к осуществлению этого общества при университете.

Факультет, с своей стороны, находя весьма полезною цель общества и одобряя его устав, почтительно просит совет ходатайствовать установленным порядком об учреждении сказанного общества при университете и об утверждении прилагаемого при сем его устава⁵⁰.

Совет университета поддержал ходатайство факультета, но Левшин выступил против, повторив основной довод руководства МОИП и некоторой части университетской профессуры, что новое общество без нужды раздробит научные силы Москвы. При таком раскладе Общество любителей естествознания практически не имело шансов получить одобрение Министерства народного

⁴⁷ Левшин Дмитрий Сергеевич (1801–1871), генерал от инфантерии (1870), участник русско-турецкой войны (1828–1829) и подавления польского восстания (1830–1831); в 1858–1863 – попечитель Харьковского, в 1863–1867 – Московского учебных округов. Одновременно в 1864–1867 – директор Публичного и Румянцевского музеев.

⁴⁸ Бредихин Федор Александрович (1831–1904), астроном, в 1886–1890 – президент МОИП.

⁴⁹ Толстопятов Михаил Александрович (1835–1890) – минералог, в 1863 г. заведовал малым (учебным) минералогическим кабинетом Московского университета, впоследствии – профессор кафедры минералогии; в работе ОЛЕАЭ участия не принимал.

⁵⁰ Дело совета Императорского Московского университета об учреждении при МУ Общества любителей естествознания // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 32. Д. 770. Л. 1.

просвещения если бы не А. Н. Бекетов⁵¹, за год до этого назначенный членом ученого комитета министерства⁵². Именно к нему попал устав общества, и в своем заключении, не согласившись с попечителем Московского учебного округа, он одобрил желание московских ученых иметь отдельное общество и указал на ненормальность ситуации, когда ученых против их желания принуждают трудиться в старом обществе, поскольку «ученое общество не есть официальная корпорация, и его членам предоставляется полная свобода действий»⁵³. В результате 14 марта 1864 г. устав Общества любителей естествознания был одобрен советом министра народного просвещения, а 2 мая совет университета уведомил физико-математический факультет, что

совет министра народного просвещения [...] находит весьма полезным разрешить, на основании ст. 120 университетского устава, учреждение Общества любителей естествознания⁵⁴.

Первое заседание нового общества состоялось 15 мая 1864 г. Президентом общества был избран Щуровский, вице-президентом – Давидов. Богданов изначально отказался от поста президента, сохранив за собой лишь должность постоянного члена Совета общества. Тем не менее именно он на протяжении нескольких десятилетий определял политику общества⁵⁵, и журналисты зачастую называли ОЛЕАЭ «Богдановским обществом». На первом заседании среди почетных гостей присутствовал и Левшин, который, по-видимому, к этому времени успел изменить свое отношение к обществу. Как свидетельствует Богданов,

Заседание происходило в присутствии попечителя Д. С. Левшина, который [...] сначала даже противодействовал основанию в Москве нового естественно-исторического общества, но потом, убедившись, что возражения, представленные ему против основания, вытекали из недоразумений, весьма сочувственно всегда относившегося к предприятиям и просьбам общества⁵⁶.

Этим «недоразумениям», заключавшимся в том, что Общество любителей естествознания пыталось вывести науку за тесные академические рамки и сделать ее «общим достоянием», привлечь более широкий круг людей к изучению природы России, была, по существу, посвящена первая президентская речь Щуровского. По свидетельству Богданова, «это была целая программа, *profession de foi* всех основателей, так как она предварительно была обсуж-

⁵¹ Бекетов Андрей Николаевич (1825–1902) – ботаник, педагог, популяризатор науки; почетный член Санкт-Петербургской АН (1895).

⁵² Райков Б. Е. Андрей Николаевич Бекетов // Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина: материалы к истории эволюционной идеи в России. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 468–551.

⁵³ Цит. по: Райков. Андрей Николаевич Бекетов... С. 530.

⁵⁴ Дело Совета Императорского Московского университета... Л. 9, 9 об.

⁵⁵ См., например, *Кривошеина*. Анатолий Петрович Богданов и основание Политехнического музея...

⁵⁶ Материалы по Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии... Л. 18.

дена и обдумана сообща»⁵⁷, и в ней Щуровский так сформулировал ответ на вопрос «чувствовалась ли потребность в новом обществе, имеет ли оно отдельную самостоятельную цель, не будет ли новое общество только более или менее удачным двойником старинного»⁵⁸:

Не в специальных исследованиях, не в ученых материалах чувствуется у нас недостаток: он чувствуется в людях, которые бы могли пользоваться этим материалом и которые бы могли далее вести его. Это выражают косвенно и существующие уже ученые общества тем, что издают свои исследования на иностранных языках. В тех странах, где наука уже пустила глубокие корни, где она стала уже общим достоянием, там такое явление было бы немислимо...⁵⁹

Неожиданную, но весьма весомую поддержку позиция руководства нового общества получила на Первом съезде русских естествоиспытателей, проходившем в Санкт-Петербурге с 28 декабря 1867 г. по 4 января 1868 г. По инициативе председателя съезда, ректора Петербургского университета К. Ф. Кесслера съезд принял ходатайство на имя министра народного просвещения Д. А. Толстого, в котором говорилось:

Желательно, чтобы при каждом русском университете было организовано общество естествоиспытателей, подобно тому, как уже образовалось *Общество любителей естествознания при Московском университете* (курсив мой. – Г. К.)⁶⁰.

Главными задачами таких обществ, по мнению съезда, должно быть развитие и распространение естественно-научных знаний «как в университетском городе, так и в целом окрестном крае»⁶¹; геологическое, ботаническое и зоологическое исследование территории, подведомственной университету (т. е. территории учебного округа), и помощь коллекторам и молодым ученым в проведении таких работ; составление естественно-научных коллекций региона, в том числе и для обмена между университетами. После съезда общества естествоиспытателей стали создаваться при всех российских университетах: в 1868 г. – при Санкт-Петербургском университете, в 1869 г. – при Киевском, Казанском, Харьковском и Новороссийском университетах, позже – при Юрьевском (1878), Варшавском (1888), Томском (1889) и др.

Поначалу масштабы деятельности Общества любителей естествознания были довольно скромными: фаунистические исследования Московской и соседних губерний (наиболее активное участие в них принимали молодые ученики Богданова А. П. Федченко, В. Н. Ульянин, В. Ф. Ошанин и др.), состав-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Протоколы заседаний Общества любителей естествознания при Императорском Московском университете // Известия Общества любителей естествознания. 1866. Т. 3. Вып. 1. Стб. 2.

⁵⁹ Там же. Стб. 3.

⁶⁰ Труды Первого съезда русских естествоиспытателей в Санкт-Петербурге. СПб., 1868. С. 62.

⁶¹ Там же.

ление учебных коллекций растений, насекомых, минералов и организация экскурсий, в первую очередь геологических⁶², для любителей естественных наук. Но уже на третьем заседании общества 14 октября 1864 г. по предложению Богданова было решено создать при обществе антропологический отдел⁶³, а на шестом заседании 9 декабря того же года – для популяризации антропологических знаний устроить в Москве антропологическую выставку⁶⁴. Это были первые шаги на пути формирования «выставочного» метода, который впоследствии Богданов и руководимое им общество широко использовали для популяризации научных знаний и который принес обществу не только всероссийскую, но и мировую известность.

Первую выставку общество провело в 1867 г. Это была Этнографическая выставка⁶⁵, к которой был приурочен Славянский съезд. За ней последовала Политехническая выставка 1872 г. и, наконец, Антропологическая выставка 1879 г. В 1892 г. состоялись еще две небольшие выставки (географическая и зоологическая), приуроченные к проходившим Москве международным съездам по доисторической археологии и по зоологии. Характерными чертами выставочного метода являлось то, что он органично соединял задачи просвещения (публичные лекции, популярно разъяснявшие предмет выставки и сама экспозиция с общедоступным объяснением ее экспонатов) и науки (проведение научных конференций, приуроченных к времени работы выставки). Кроме того, экспонаты выставки становились основой для пополнения фондов уже существующих⁶⁶ и создания новых музеев. Так в Москве появился Дашковский этнографический музей, Политехнический музей, Антропологический и Географический музеи при Московском университете⁶⁷.

Кроме научно-просветительской и организационной работы общество проводило и серьезные научные исследования, связанные с изучением природы России. В первую очередь следует назвать Туркестанскую экспедицию А. П. Федченко (1868–1871), экспедиции на Русский Север, программу по изучению фауны русских морей и многое другое⁶⁸. Общество сыграло решающую роль в организации кафедр и музея антропологии в Московском университете и в институционализации физической антропологии как самостоятельной научной дисциплины в России.

По широте интересов с ОЛЕАЭ могла соперничать только Академия наук. Помимо антропологического отдела, который упоминался выше, в мае 1866 г.

⁶² Геологические экскурсии Щуровского пользовались наибольшей популярностью; об их организации и результатах он рассказал в своем выступлении на Первом съезде русских естествоиспытателей.

⁶³ Протоколы заседаний... Вып. 1. Стб. 44–45.

⁶⁴ Там же. Стб. 92.

⁶⁵ Антропологическую выставку тогда провести не удалось, так как ее подготовка требовала более длительного времени; на этой первой крупной научной выставке была представлена лишь небольшая краниологическая коллекция, собранная Богдановым.

⁶⁶ В первую очередь Зоологического музея Московского университета.

⁶⁷ *Кривошеина*. Научные музеи Москвы...

⁶⁸ См. *Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1863–1888)* / Сост. А. Богданов. Т. 1. Фаунистические работы общества; Т. 2. Анатомические и эмбриологические работы общества // *Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. 1888. Т. 54. 1890. Т. 59.

при обществе была создана постоянная энтомологическая комиссия под председательством Федченко⁶⁹, в марте 1867 г. – этнографический отдел (председатель – Н. А. Попов), в ноябре того же года – отделение физических наук, затем появилось зоологическое отделение (1881). В 1890 было создано географическое отделение, возглавляемое Анучиным, а физико-химическая комиссия при физическом отделении, основанная в 1884 В. В. Марковниковым, была преобразована в самостоятельное химическое отделение. Позже были организованы ботаническое (1883), физиологическое (1896), бактериологическое (1900) и геологическое (1911) отделения. Кроме того при обществе работали различные комиссии⁷⁰, в том числе организованная Н. Е. Жуковским при физическом отделении комиссия воздухоплавания (иногда ее называли Обществом воздухоплавания), в рамках которой проводились работы по испытанию некоторых летательных аппаратов; музыкально-этнографическая комиссия при этнографическом отделе, собиравшая материалы по русскому народному музыкальному и песенному творчеству и устраивавшая этнографические концерты; а также комиссия по народной словесности, комиссия исследования фауны Московской губернии (базировалась на принадлежавшей ОЛЕАЭ гидробиологической станции в с. Косино на берегу оз. Белое), планктонная, топографо-геодезическая и географо-педагогическая комиссии. Общество издавало целый ряд научных журналов: «Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете»⁷¹, «Этнографическое обозрение», «Русский антропологический журнал», «Землеведение», «Биологический журнал», *Physiologiste Russe*, присуждало премии за научные исследования (премия для молодых ученых им. А. П. Богданова, премия им. Е. К. Кандиной за работы по биологии, премия им. великого князя Сергея Александровича за исследования в области антропологии и этнографии и др.).

К началу XX в. деятельность ОЛЕАЭ приобрела такие масштабы, что зачатое общество даже называли Московской академией наук:

Постепенное развитие Общества привело к тому, что в настоящее время (1913 г. – Г. К.) круг его деятельности значительно расширился и далеко вышел из рамок, определяющих занятия обществ естествоиспытателей, состоящих при других русских университетах [...] сложность научных целей и занятий общества, его отделов, отделений и комиссий вывела его далеко из круга деятельности других обществ естествоиспытателей и постепенным ходом развития создала из него в Москве крупный научный центр, соединяющий в себе служение не только различным отделам теоретического и прикладного естествознания, но также географии, этнографии, народной словесности, медицине, педагогике⁷².

⁶⁹ Протоколы заседаний... Вып. 1. Стб. 243–244.

⁷⁰ Записка о деятельности и средствах Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. М., 1913; Пятидесятилетие Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии: 1863–1913 / Сост. В. В. Богданов. М., 1915.

⁷¹ Подробнее об этом издании см.: Кривошеина Г. Г. «Известия Общества любителей естествознания» как источник по истории науки и техники // ВИЕТ. 2012. № 2. С. 108–124.

⁷² Записка о деятельности и средствах... С. 7.

ОЛЕАЭ пережило Первую мировую войну, революции 1917 г., Гражданскую войну и разруху и успешно приспособилось к требованиям новой власти, сохранив и развив принципы организации, заложенные при его создании: широкое членство и отказ от научной элитарности и замкнутости, сочетание научных исследований с решением практических задач и распространением научных знаний, динамичность и открытость для новой проблематики, даже если она выходит за пределы изначально заявленного круга интересов общества. Однако когда в ноябре сектор науки Наркомпроса РСФСР для «наибольшего и наилучшего концентрирования научно-общественных и культурных сил с целью максимального использования этих сил для активного содействия социалистическому строительству»⁷³ постановил в десятидневный срок объединить все естественно-научные и близкие к ним по тематике общества (числом более 20) и слить их с МОИП, переименовав последнее во Всероссийское общество испытателей природы⁷⁴, ОЛЕАЭ стало первой жертвой этого постановления.

Формально общество в том же году было слито с МОИП, а по существу ликвидировано, так как «слияние» свелось к передаче имущества, попыткам отобрать у Политехнического музея часть библиотеки, ранее принадлежавшей ОЛЕАЭ⁷⁵, и поискам пишущих машинок, хрустальных пепельниц и прочих предметов⁷⁶, которые ОЛЕАЭ некогда передало своим членам во временное пользование. Традиции общества по существу были уничтожены, а само общество надолго забыто.

⁷³ Распоряжение от 16/1 1930 // Архив МОИП. 1933. Д. 1244. Л. 14.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Богданов В. В. Справка об отделе рукописных материалов (иначе «архива») 6-ки О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии // Архив МОИП. 1933. Д. 1244. Л. 22–25; В управление университетов и науки Наркомпроса // Архив МОИП. 1933. Д. 1243. Л. 12–16.

⁷⁶ Архив МОИП. 1935. Д. 1298. Л. 1–3.